

Пётр Фарфудинов

*Горький привкус
тайны. Книга
вторая*

18+

Пётр Фарфудинов

**Горький привкус
тайны. Книга вторая**

«Автор»

2026

Фарфудинов П.

Горький привкус тайны. Книга вторая / П. Фарфудинов — «Автор», 2026

Горький привкус тайны остаётся на губах, когда любовь становится проклятием, а бессмертие — самой страшной клеткой. Вера, уставшая от серого брака женщина, получает в наследство ключ от старинного дома на Псарском переулке. Там она встречает Марка — мужчину с глазами грозового неба, который живёт в этом доме триста лет. Он бессмертен, проклят и ищет ту, кто сможет закрыть портал между мирами — ценой своей жизни или своего сердца. Ключница Агафья — старая, мудрая, опасная — хранит тайну трёхсотлетней любви, измены и материнства. Она ненавидит и обожает Марка. Она готова убить и воскресить. Вера оказывается в эпицентре древней драмы: портал требует жертвы, Марк мечтает о свободе, Агафья жаждет мести, а новая соперница — Анастасия Страсть, измены, запретные связи, ревность, одержимость и призраки прошлого переплетаются в этом романе, где каждый выбирает: умереть от любви или жить без неё. Но есть ещё третий вариант — шагнуть за грань, в портал, из которого не возвращаются.

© Фарфудинов П., 2026

© Автор, 2026

Пётр Фарфудинов

Горький привкус тайны. Книга вторая

Горький привкус тайны Книга вторая

Глава 1. Тот, кто приходит в туман

Она никогда не должна была войти в этот дом.

Вера знала это интуитивно, тем глубинным, звериным чутьем, которое женщины называют «шестым чувством». Но дом на Псарском переулке — старый, почерневший от времени и сплетен особняк с львиными маскаронами над входом — словно обладал собственной волей. Он притягивал. Манил. Обещал разгадку.

Последние три месяца Вере снился один и тот же сон: она идет по бесконечному коридору, стены которого обтянуты бордовым бархатом, а в конце ждет кресло-качалка. В кресле никто не сидит, но оно раскачивается само. И каждый раз, когда Вера почти достигает его, просыпалась с металлическим, горьковатым привкусом во рту. Привкусом тайны.

— Ты себя изводишь, — сказал муж, Виктор, когда она в седьмой раз за ночь вышла на кухню налить воды. Ей было тридцать пять, ему — сорок два. Их брак напоминал хорошо отремонтированный, но пустующий дом: есть крыша, есть стены, нет тепла. — Вера, прекрати. Это просто кошмары. Сходи к неврологу.

Она не пошла к неврологу. Вместо этого в пятницу, под мелкий, липкий дождь, она взяла такси и приехала к особняку. Ключ — старый, бронзовый, с выщербленным гербом — она нашла три недели назад в материнском шкапулке. Мать умерла семь лет назад, но шкапулку Вера открывала всего раз. Внутри, помимо ключа, лежал конверт с одним словом: «Прости».

Дверь поддавалась легко, словно только и ждала.

Внутри пахло пылью, старыми духами и чем-то еще — сладковато-пряным, чем-то вроде гвоздики и ладана. Вера сделала шаг, второй. Бархат. Бордовый бархат на стенах. Точно как во сне.

— Ты пришла, — раздался за спиной голос. Нежный, насмешливый, мужской. — А я уже и не надеялся.

Она резко обернулась. В дверях стоял он — высокий, с волосами цвета воронова крыла и глазами, в которых мерцала не зеленью и не синью, а чем-то более древним. Цветом грозового неба. Ему можно было дать и тридцать, и сорок, и — если присмотреться — подумать о бессмертии.

— Кто вы? — спросила Вера, и голос не дрогнул. Этому ее научил брак с Виктором — никогда не показывать страха первым.

— Я тот, кто живет здесь дольше, чем этот город. Меня зовут Марк. А ты — Вера, дочь Елены. Я ждал тебя двадцать три года.

Вера не ушла. Она осталась пить чай на кухне особняка, где вместо обычного стола стоял древний дубовый пень, а свет давали только свечи. Марк разливал темно-красный напиток по тонким фарфоровым чашкам.

— Это не чай, — сказала она, сделав глоток. — Это что-то другое.

— Каркаде, сваренный на родниковой воде с добавлением лепестков дикой розы и... одного секретного ингредиента, — он улыбнулся краешком губ. — Не бойся, я не отравлю наследницу.

— Какую наследницу?

Марк не ответил. Вместо этого он поднялся, прошел к камину и достал с полки книгу в кожаном переплете, застегнутом на серебряную пряжку.

— Твоя мать, Елена, была не просто художницей. Она была хранительницей. Здесь, в этом доме, находится портал. Не в ад и не в рай. В место, где время застывает. Где можно увидеть любой момент прошлого и будущего. Но есть цена.

— Какая?

Марк приблизился. Она почувствовала его запах — дым, сандал, опасность. Он коснулся ее руки, чуть выше запястья, где кожа тоньше всего.

— Такая же, как сейчас между нами, — прошептал он. — Ты почувствовала? Трещина. Искра. Желание. Портал питается человеческими страстями. Сильными. Запретными. А у вас с Виктором уже давно ничего нет, правда?

Она должна была возмутиться. Уйти. Позвонить мужу. Вместо этого Вера замерла. В груди разливалось тепло, которое она не испытывала годами. И страх, и сладкий ужас, и желание — все смешалось.

— Ты лжешь, — сказала она тихо.

— Лучше, — он усмехнулся. — Я говорю полуправду. Это гораздо опаснее.

В этот момент на лестнице скрипнула ступенька. Вера обернулась, и сердце ушло в пятки. В дверях кухни, опираясь на узловатую клюку, стояла старуха Агафья.

Она была одета в черный платок и несколько слоев юбок, словно вышла из позапрошлого века. Лицо — в морщинах, как печеное яблоко, но глаза — молодые, цепкие, цвета выцветшей бирюзы. И улыбка странная: беззубая и одновременно всезнающая.

— Ох, Маркуша, балуешь, — пропела она скрипучим, но удивительно мелодичным голосом. — А ей-то, зачем голову морочишь? Девка хорошая, не твоего поля ягода. Правда, Верунь? Или уже твоего?

— Откуда вы знаете мое имя? — Вера отшатнулась.

Агафья перекрестилась с неожиданной ловкостью.

— Я всех знаю, кто через этот порог переступил. И тебя, и мать твою покойницу, и даже этого... — она кивнула на Марка, — тоже. Я здесь ключница. Сторожиха. Никого не боюсь, кроме Бога и его гнева. А ты, Марк, нечистый, отойди от женщины.

Марк рассмеялся — низко, грудью.

— Агафья, дорогая, ты же знаешь: я не то чтобы «нечистый». Я скорее... тот, кто забыл, кем был.

— Забыл он! — старуха сплюнула на пол. — Ты себя не помнишь, потому что душу триста лет назад продал. И теперь ходишь по миру, ищешь, кто бы за тебя выкуп внес. А девке жизнь ломаешь.

Вера сжала чашку так, что побелели костяшки.

— Никто мне жизнь не ломает, — сказала она твердо. — Я сама решаю.

Агафья взглянула на нее долгим, тяжелым взглядом.

— Ну-ну, — прошамкала она. — Увидим. Только помни, касатка: у каждого порога есть цена. И у этого — самая горькая. Что попросишь — получишь. А что не просила — тоже. Спи спокойно, только под кровать не заглядывай.

С этими словами старуха развернулась и исчезла в темноте коридора так же внезапно, как появилась. Ни звука шагов, ни скрипа половиц.

Марк проводил Веру до двери. Уже на пороге, под дождем, он сказал:

— Приходи завтра. Я покажу тебе, что случилось с твоей матерью. И почему она не оставила тебе ничего, кроме ключа и одного слова «Прости».

Вера села в такси. Ее трясло. Но не от холода.

Дома Виктор сидел в гостиной, пил виски и смотрел футбол. Увидев жену, он бросил беглый взгляд — мокрые волосы, красные пятна на щеках, темные круги под глазами.

— Опять ходила в тот дом? — спросил он без интереса.

— Да.

— И что там?

— Пыль. Пауки. Старуха.

Виктор усмехнулся.

— Хотя какое-то развлечение. Я в понедельник улетаю в командировку на неделю. В Швейцарию. Вернусь — поговорим о твоих... увлечениях.

«О чем говорить? — подумала Вера. — Ты давно уже не слышишь меня. Ты вообще меня не видишь».

Ночью она не спала. Лежала рядом с мужем, чувствуя спиной холодную стену его равнодушия. Вспоминала пальцы Марка на своем запястье. Вспоминала, как у нее перехватило дыхание. И стыдилась этого. И хотела повторения.

В три часа ночи она встала, вышла в коридор. Зеркало в прихожей отразило ее бледное лицо. И — на секунду — за спиной она увидела силуэт. Высокий, мужской. И сразу же исчез.

— Показалось, — прошептала она себе.

Но знала, что нет.

На следующее утро, когда Виктор уже уехал в аэропорт, Вера набрала номер подруги — Лены. Лучшая подруга, боевая, с острым языком и еще более острым чутьем на мужчин.

— Слушай, — сказала Вера, стараясь говорить ровно. — Ты не помнишь, моя мать... у нее были любовники?

Лена выдержала паузу.

— Сладкая моя, у твоей матери было столько любовников, что их можно было бы на футбольное поле выставить. Но одного она никогда не забывала. Высокий, черные волосы, глаза — буря. Ты на него похожа, кстати.

У Веры похолодело внутри.

— Ты помнишь его имя?

— Марк, — сказала Лена. — Точно. Марк. А что? Вера, ты с ним встретишься? О господи, девочка, беги. Он не человек.

— А кто?

— А никто не знает. Но говорят — он забирает женщин. Не убивает. Забирает. Заставляет любить себя — так, что они теряют все: семьи, деньги, рассудок. А потом исчезает. Одна моя знакомая чуть не прыгнула с балкона из-за него.

Вера сбросила вызов. Пальцы дрожали.

И все же в три часа дня она снова стояла перед особняком на Псарском.

Марк ждал ее в библиотеке. Сегодня он был в черной рубашке, расстегнутой на две пуговицы, и брюках, которые сидели так, словно шиты на заказ. Вера ненавидела себя за то, что замечала такие детали.

— Не передумала? — спросил он.

— Покажи портал.

Он провел ее в подвал. Внизу, вместо затхлого запаха и бетона, оказался зал. Круглый, с высоким куполом, расписанным звездами, которые двигались. Медленно, как в планетарии. В центре — колодец. Не вода, не тьма. Что-то мерцающее, переливчатое, как мазут на солнце.

— Это Зеркало Времени, — сказал Марк. — Смотри.

Он провел рукой над поверхностью. И Вера увидела.

Мать. Молодая, красивая, с распущенными волосами. Она стоит в этом же подвале. Рядом — Марк, такой же, как сейчас, ни капли не постаревший. Они целуются. Страстно, жадно, словно мир рушится. Потом мать отстраняется и говорит:

— Я не могу. У меня дочь. Она маленькая. Я не оставлю ее.

— Ты не оставишь, — отвечает Марк. — Ты подаришь ей ключ. Когда она вырастет, она сама выберет. Прийти или нет.

— Что она увидит?

— Что захочет. Но каждая хочет правду о себе.

Изображение померкло.

— Она не вошла в портал, — тихо сказала Вера. — Она испугалась.

— Она испугалась не портала. Она испугалась, что узнает — кто твой настоящий отец. Вера замерла.

— Ты хочешь сказать...

— Нет, — перебил Марк. — Я не твой отец. Но твой отец — не Виктор Константинович, который удочерил тебя в пять лет, когда женился на Елене. Твой настоящий отец... он смотрит на нас сейчас.

Вера обернулась. В дверях подвала стоял мужчина. Лет пятидесяти, седой, с тяжелым подбородком и глазами, полными боли. Он был в дорогом костюме, но галстук болтался на шее, как удавка.

— Здравствуй, дочь, — сказал он хрипло. — Меня зовут Андрей. И я не имел права приходить. Но портал... он позвал меня. Через пятнадцать лет.

Марк усмехнулся, отходя в тень.

— А вот и семейный конфликт, — проговорил он с ленцой. — Я же говорил: портал питается страстями. Самый сильный коктейль — вина, нежность и неутоленное желание. Сейчас будет жарко.

Андрей сделал шаг к Вере. От него пахло дорогим табаком и виски. И чем-то родным, тем неуловимым, что бывает между людьми одной крови.

— Я любил твою мать, — сказал он. — Но я был женат. Другая женщина, сын. Я не смог уйти. Елена сказала — тогда ты не будешь знать меня. Она умоляла не искать тебя. И я дал слово.

— Ты дал слово, — повторила Вера. В груди kloкотала злость, такая сильная, что у нее зашумело в ушах. — И ты сдержал его пятнадцать лет. А потом?

— Потом я узнал, что она умерла. И понял, что слово умерло вместе с ней. Но тебя я нашел не сразу. Ты выросла, вышла замуж за Виктора — хорошего человека, я проверил. И я сказал себе: оставь ее. Не врывайся. Но портал... он сломал все стены.

— Не портал, — раздался голос Агафьи.

Старуха стояла на верхней ступеньке, прислонившись к перилам. В руках — зажженная свеча. Огонек не колыхался.

— Портал — это инструмент. А желание — это ты, Андрюша. Десять лет ты каждую ночь шептал имя Елены. И портал услышал. Притянул тебя. А теперь ты притянул к себе дочь. И будет грех. Или не грех? А?

— Замолчи, старая, — рявкнул Марк, но в голосе его не было злобы. Была усталость.

Агафья повернулась к Вере.

— Ты, касатка, главное запомни. Тайна — это не то, что скрыто. Тайна — это то, что ты не готова узнать. А, правда — она горькая, да. Но когда привыкнешь — слаще меда становится. Потому что это — твоя, правда.

Она дунула на свечу. Свет погас. А когда через секунду зажегся снова — старухи уже не было.

Следующие три дня Вера жила в разрыве.

Днем она была женой Виктора, который звонил из Швейцарии и сухо отчитывался о переговорах («Да, дорогая, контракт подписали. Ты не забыла оплатить счет за интернет?»). Ночью она ездила на Псарский.

Марк показывал ей прошлое. Как Елена танцевала на балу в этом доме сто лет назад (дом тогда был не домом, а усадьбой, и в нем жили князья). Как Агафья, молодая и красивая, вышла замуж за лесника — и венчалась в церкви, где пол был из костей (но это было видение,

или правда?). Как сам Марк умирал — впервые, во времена чумы, и во второй раз, от шпаги, и в третий — от пули. И каждый раз воскресал.

— Ты — проклят? — спросила Вера, когда они сидели на крыше особняка под луной.

— Я — наказан, — поправил он. — Я влюбился в ту, кто была хранительницей портала. До меня. До твоей матери. Ее звали Лика. Она вошла в портал, чтобы спасти меня от смерти, и застряла там. Теперь она — часть Зеркала. А я должен приводить новых хранительниц. И каждая следующая — слабее. Елена почти смогла. Но ты... ты — последняя. Если ты войдешь и не выйдешь, портал закроется навсегда. И я тоже исчезну.

— Так вот зачем я тебе, — холодно сказала Вера. — Не как женщина. Как ключ.

Марк повернулся к ней. Его лицо было совсем близко. Она чувствовала его дыхание — теплое, с ноткой корицы.

— Ты мне как женщина, — сказал он тихо. — И это хуже всего. Потому что если я полюблю тебя по-настоящему — я останусь здесь навсегда. Но без портала. Просто человеком. Старым, смертным, никому не нужным. И умру через пятьдесят лет. А вечность привык к вечности.

Она поцеловала его первая. Или он ее? В темноте не разобрать. Но поцелуй был как падение в колодец — бездонный, сладкий, губельный. Когда они оторвались друг от друга, у Веры кружилась голова.

— Чего ты хочешь? — спросил Марк.

— Тебя. Правду. Месть отцу, который бросил мать. Свободу от мужа, который видит во мне только функцию. И чтобы портал показал мне будущее — где я счастлива.

— Ты просишь много. Слишком много. Портал дает одно. Одно желание. Точнее — одно изменение.

— Тогда я хочу, чтобы ты остался, — выдохнула Вера. — Человеком. Со мной.

Марк посмотрел на нее долгим взглядом. В его глазах мерцало нечто древнее и уязвимое одновременно.

— Если я сделаю это, — сказал он, — твой муж умрет. Не от моей руки. Но портал перепишет реальность: он просто не родится. Ты никогда не выйдешь за него замуж. Ты будешь одна до встречи со мной. Готова стереть из жизни человека, который, пусть плохой, но человек?

Вера побледнела.

— А Агафья? Она знает?

— Она все знает. И она скажет тебе то же, что говорила всем: «Цена есть у всего. У любви — самая высокая».

Внизу, в саду, зашуршали кусты. И знакомый скрипучий смех разнесся по ночному воздуху.

— Ох, голубки, — пропела старуха, сидя на старой яблоне, как филин. — Не ко времени вы слюбились. Не ко времени. Месяц не тот. И сердце у нее больное. Марк, ты хоть знаешь, что Вера — носитель? У нее в роду проклятие. Если полюбит по-настоящему — умрет. Как мать. Как бабка. Все от любви уходило.

Марк отшатнулся.

— Ты лжешь, Агафья.

— А вот и нет, — старуха сплюнула с яблони. — Спроси у портала. Или у Андрея. Он потому и не ушел от первой жены, что боялся убить Елену своей любовью. Так и жил — на расстоянии. А она истаяла, как свеча. От тоски. Ибо женщина без любви — рыба без воды. Все равно умрет.

Вера заплакала. Впервые за много лет. Слезы текли по щекам горячо и солоно, и этот вкус смешивался с горьким привкусом тайны.

— Что же мне делать? — прошептала она.

Агафья прыгнула с яблони, легко, как девчонка, подошла и погладила Веру по щеке сухой, теплой ладонью.

— А то, касатка, что делают все женщины в таких романах. Выбирай. Но не головой — а тем местом, которое болит у тебя под ребрами. Сердцем. Даже если оно проклято. Без выбора — нет жизни. Без риска — нет любви. А без любви — нет и романа. Вот такой я тебе даю сказ. А дальше сама.

Она хмыкнула, повернулась к дому и пошла, напевая странную мелодию — то ли похоронную, то ли свадебную.

Вера взяла Марку за руку.

— Покажи мне портал еще раз, — сказала она. — Я хочу посмотреть на тот миг, когда все изменится.

— А если тебе станет страшно?

— Если страшно — значит, жива, — ответила Вера. — Веди.

Они спустились в подвал, туда, где мерцало Зеркало Времени. И где в глубине его уже ждали новые тайны, новые имена, новая кровь на бархатных стенах.

Сзади скрипнула ступенька.

— Осторожнее, детки, — прошелестела Агафья из темноты. — Там, куда вы идете, даже у меня нет ключа. А если у меня нет ключа — значит, и Бога нет. Только выбор.

Она перекрестилась на восток, и свеча в ее руке погасла.

Остался только горький привкус тайны на губах. И дрожь двух тел, готовых шагнуть в неизвестность — вместе, навсегда или в последний раз.

Они не шагнули в портал. В последний миг, когда поверхность Зеркала уже начала пульсировать и тянуть к себе, как трясина, Вера почувствовала, как чья-то холодная, жесткая рука вцепилась ей в плечо.

— Стой, дура! — голос Агафьи прозвучал не скрипуче, а звонко, по-молодому. — Не туда смотришь! Портал показывает то, что ты хочешь, а не то, что есть на самом деле!

Вера замерла. Марк тоже. Его лицо в полумраке было бледным, почти прозрачным, и впервые она увидела в нем не демона, не соблазнителя, а человека — испуганного, уставшего, древнего, как этот дом.

— Отпусти ее, Агафья, — сказал он тихо. — Она имеет право выбрать.

— А ты имеешь право молчать! — отрезала старуха. Она стояла между ними и порталом, раскинув руки, как распятие. Платок съехал набок, и Вера вдруг заметила, что у Агафьи густые, еще не полностью седые волосы, а глаза — не бирюзовые, а васильковые. И на щеках — румянец, которого не бывает у старух.

— Ты... — прошептала Вера. — Ты меняешься.

Агафья усмехнулась, опустила руки и запахнула кофту.

— А ты думала, я просто бабка с клюкой? Я, милая, тоже когда-то была хранительницей. И я тоже любила. И тоже потеряла. И теперь я здесь — ни жива, ни мертва, ни стара, ни молода. Портал высасывает из меня жизнь, когда я рядом с ним, и возвращает, когда я далеко. Я — маятник. Я — сторож. И я больше не хочу быть сторожем.

Она повернулась к Марку. В ее глазах горело то, что Вера не сразу распознала. А когда распознала — сердце ее упало.

Зависть. И ревность. И желание — дикое, неутоленное, тридцатилетнее.

— Ты приводишь сюда одну за другой, — сказала Агафья, и голос ее дрогнул. — Сначала Елена. Потом эта... как ее... актриса из Москвы. Потом Вера. А я? Я что, не женщина? Или для тебя я всегда была только мебелью? Ключницей? Говорящей собакой у порога?

Марк побледнел еще сильнее.

— Агафья...

— Не перебивай! — она сделала шаг к нему. — Я тридцать лет смотрела, как ты целуешь других. Тридцать лет, Марк! Я мыла полы, где вы лежали. Я зашивала простыни, которые вы рвали в страсти. Я гасила свечи, когда вы засыпали в обнимку. И каждую ночь я выходила в сад и плакала в колодец, чтобы никто не слышал. А теперь пришла она — и ты готов уничтожить портал ради нее. Ради нее! А ради меня ты даже пальцем не пошевелил!

Вера отступила к стене. Она чувствовала себя чужой на этом празднике боли. И одновременно — лишней. Как на семейном скандале, где нет твоей вины, но ты — причина.

— Агафья, — осторожно сказала она. — Я не знала.

— А кто знает? — старуха резко обернулась. — Бог знает. Да только он давно от нас отвернулся. И портал знает. И он мне показал: если ты, Вера, войдешь — он выберет тебя. А я..., я исчезну. Растворюсь. Как прошлое, которое никому не нужно.

В темноте подвала повисла тишина. Только Зеркало мерцало, переливаясь, как живое.

Марк медленно подошел к Агафье. Взял ее лицо в свои ладони — и это было так странно, так неправильно видеть его не с молодой женщиной, а с этой морщинистой, сгорбленной старухой — и поцеловал. В лоб. Нежно, как дочь. Или как мать.

— Прости, — сказал он. — Я слепой. Я привык, что ты — вечная. А вечных не жалеют.

Агафья всхлипнула. Раз — и слеза скатилась по щеке, оставляя светлую полоску на пыльной коже. И в тот же миг Вера увидела невозможное: морщины на лице старухи стали мельче, спина выпрямилась, клюка выпала из рук и с грохотом покатила по каменному полу.

— Что... — прошептал Марк.

— Портал, — выдохнула Вера. — Смотри!

Зеркало вспыхнуло. И в его глубине отразилась не Агафья-старуха, а молодая женщина лет тридцати — с длинной русой косой, тонкой талией, высокими скулами и глазами, полными огня. Она была в белой льняной рубашке, босая, и на ногах — следы вереска.

— Это я, — сказала Агафья, глядя на свое отражение. — Я была такой, когда пришла сюда в первый раз. В 1913 году. Я была невестой. И Марк... ты обещал мне вечность.

Марк отшатнулся, как от удара.

— Я не помню, — прошептал он. — Агафья, клянусь, я не помню!

— Потому что ты сам стер себе память! Ты не хотел помнить, как я вошла в портал вместо тебя. Как отдала свою молодость, чтобы ты жил. Ты не хотел помнить, что я — твоя первая любовь. Самая первая. Когда ты еще был человеком.

Вера прижала руку к груди. Сердце колотилось так сильно, что казалось, выпрыгнет. В подвале запахло — чем-то сладким, терпким, как мед с полынью. Запахло кровью и желанием. Запахло чужой, забытой, невозможной любовью.

Марк молчал. Долго. Так долго, что Вера начала считать удары собственного пульса: раз, два, три, десять, тридцать. На пятидесятом он поднял голову. Его глаза из грозových стали черными — бездонными, как сам портал.

— Покажи, — сказал он Агафье. — Не порталом. Собой. Напомни мне, кто я был.

Агафья усмехнулась — той же усмешкой, но теперь в молодом лице она выглядела не страшной, а завораживающей. Она скинула кофту. Под ней оказалась тонкая рубашка, сквозь которую просвечивало тело — не старушечье, упругое, с высокой грудью и крутыми бедрами. Вера смотрела и не могла отвести взгляд. Это было не стыдно. Это было красиво. Страшно красиво.

— Ты хочешь, чтобы я разделась перед твоей новой пассией? — спросила Агафья с вызовом.

— Я хочу, чтобы ты перестала быть тенью, — ответил Марк глухо. — Хватит. Тридцать лет. Хватит.

Он снял свою рубашку одним движением. Вера увидела его тело — мускулистое, без единой царапины, но с одной странностью: на левой стороне груди, над сердцем, был след.

Будто кто-то вырвал кусок плоти и заживил рану светом. Шрам светился в темноте — бледно-голубым, как лунный свет.

— Что это? — выдохнула Вера.

— Это она меня отметила, — сказал Марк, не сводя глаз с Агафьи. — Когда вошла в портал. Она отдала свою молодость — а взамен получила право всегда быть со мной. Но я забыл. И она стала старухой-ключницей. Потому что без моей памяти ее жертва превратилась в проклятие.

Агафья подошла к нему. Теперь они стояли друг напротив друга — два почти обнаженных тела в мерцании Зеркала. Вера замерла у стены, не зная, уйти или остаться. Но ноги не слушались. И — если быть честной до конца — она не хотела уходить. Она хотела смотреть. В ней просыпалось что-то темное, запретное, то, о чем она не говорила даже себе: желание смотреть, как другие любят. Или ненавидят. Или вспоминают.

— Прикоснись ко мне, — сказала Агафья. — Не как к старухе. Как к той, кем я была.

Марк протянул руку. Пальцы его дрожали. Он коснулся ее щеки — и морщины на ней разгладились еще больше. Он провел ладонью по ее плечу — и сторбленная спина выпрямилась окончательно. Он обнял ее за талию — и из платка высыпались седые волосы, а вместо них упала на спину густая русая коса.

— Боже мой, — прошептал Марк. — Я помню. Я помню эту косу. Я помню, как целовал твои ключицы. Я помню, как мы танцевали под дождем.

— Ты обещал мне вечность, — повторила Агафья, и голос ее теперь был молодым, низким, грудным. — Ты поклялся на этом портале. А потом тебя прокляли. И ты забыл. А я осталась — помнить за двоих.

Она поцеловала его. Не в лоб. В губы. Долго, жадно, со вкусом горечи и меда.

Вера отвернулась — но только на секунду. А потом не выдержала и посмотрела снова. В ней боролись стыд и любопытство, ревность и странное, почти болезненное возбуждение. Виктор никогда не целовал ее так. Никто никогда не целовал. Она вдруг поняла, что всю жизнь живет вполсилы — и в любви, и в страсти, и даже в ненависти. А эти двое... они жили на полную. Даже их проклятие было ярче, чем ее счастье.

Марк отстранился первым. Дышал тяжело.

— Вера здесь, — сказал он хрипло. — Я не могу.

— А она не ребенок, — ответила Агафья, поворачиваясь к Вере. — Смотри, девочка. Смотри и запоминай. Любовь не бывает без боли. И без свидетелей тоже не бывает. Каждая любовь — это треугольник. Ты, я и он. Или ты, он и портал. Или я, ты и его забытая клятва. Вопрос не в том, кто лишний. Вопрос в том — кто готов остаться.

Она подошла к Вере. Взяла ее за руку. Кожа Агафьи была теплой, живой, молодой.

— Ты хотела правды, — сказала она. — Вот она: я хочу его. Не как старуха, которая присматривает. Как женщина. Я хочу лечь с ним в ту постель, где он спал с другими. Я хочу, чтобы он кричал мое имя — мое, молодое, настоящее — Агафья, Агаша, Ага. А не «ключница» и не «старая ведьма». И ты можешь уйти. Или остаться. Или...

Она замолчала, глядя Вере прямо в глаза.

— Или остаться с нами.

В сердце Веры что-то оборвалось. А потом — распустилось, как цветок, который поливали ядом, но он все равно расцвел.

Они поднялись наверх, в спальню Марка. Никто не произнес ни слова. Агафья шла первой, босая, в одной рубашке, и ее коса хлестала по спине. Марк — за ней, с горящим шрамом на груди. Вера замыкала шествие, чувствуя, как каждый шаг отдается в висках и внизу живота.

Спальня была огромной — с резной кроватью под балдахином, с зеркалами на стенах, с запахом ладана и увядших роз. На туалетном столике стояла старая фотография: Марк, Елена и... Агафья. Молодая, смеющаяся. Вера никогда не видела этого снимка.

— Ты на нем есть, — сказала она тихо.

— Я всегда была, — ответила Агафья. — Меня просто не замечали. Как стену. Как портю. Как дом.

Марк подошел к кровати, сел на край, уронил голову в ладони.

— Я не знаю, как это делается, — сказал он глухо. — Я любил многих. Но чтобы двоих... одновременно... и чтобы обе знали...

— А никак, — сказала Агафья. Она опустилась перед ним на колени, сняла с его ног ботинки. — Не надо знать, как. Надо чувствовать.

Она поцеловала его колено, потом выше, по внутренней стороне бедра. Вера видела, как напряглись мышцы Марка, как он закусил губу, чтобы не застонать.

— Вера, иди сюда, — позвала Агафья, не оборачиваясь. — Не стой столбом.

Вера подошла. Руки тряслись. Она никогда не была с двумя. Она вообще ни с кем, кроме Виктора, не была. И вот сейчас — муж в Швейцарии, отец-незнакомец где-то в городе, старуха превратилась в молодую красавицу, а портал под полом пульсирует, как второе сердце дома.

— Я боюсь, — сказала Вера.

— Бойся, — кивнула Агафья. — Но делай. Или ты пришла сюда чай пить?

Она встала, потянула рубаху через голову. Теперь она стояла перед ними совершенно нагая — с родимым пятном на бедре в форме листа, с маленькой грудью и сильными, жилистыми ногами. В ней не было модельной красоты. В ней была красота земли, леса, реки.

— Смотри, Марк, — сказала она. — Это тело ты целовал сто лет назад. И клялся, что запомнишь навсегда. А теперь смотри снова.

Она взяла его руку и положила себе на грудь. Марк застонал — на этот раз вслух. Его пальцы сжались, и Агафья выгнулась, как кошка.

— Вера, — позвал он хрипло. — Разденься.

Она разделась. Медленно, пуговица за пуговицей. Платье упало на пол. Бюстгальтер. Трусы. Ее тело было другим — более ухоженным, гладким, с загаром, оставшимся с лета. Но когда Агафья посмотрела на нее, она не увидела сравнения. Она увидела сестру. Соперницу. Третью.

— Красивая, — сказала Агафья просто. — Марк, ты везучий.

— Я проклятый, — поправил он.

Он встал, стянул брюки. Вера увидела его всего — и у нее перехватило дыхание. Он был идеален, как античная статуя, но живой, горячий, с пульсирующей жилкой на шее.

— Ложитесь, — приказал он тихо. — Обе.

Они легли — Вера справа, Агафья слева. Марк лег между ними, но не сверху, не как победитель. Он лег так, чтобы касаться обеих — плечом, бедром, рукой. И долго лежал молча, глядя в потолок, где плясали тени от свечей.

— Я помню, — сказал он, наконец. — Не все. Но помню, как мы были счастливы втроем. До проклятия. До того, как портал потребовал жертву.

— Как втроем? — Вера приподнялась на локте.

Агафья улыбнулась — печально, тайно.

— Было время, когда он любил нас обеих. Меня и Лику. Первую хранительницу. Мы жили в этом доме — я, Марк, Лика и портал. И это было... — она замолчала, подбирая слово. — Это было раем. Но Лика захотела большего. Она вошла в портал, чтобы стать бессмертной. И застряла. А меня проклинали за то, что я не остановила ее.

— Кто проклинал?

— Портал сам, — сказал Марк. — Он живой. Он требует страсть как пищу. И когда страсти мало — он кусает.

Внизу, в подвале, что-то гулко ударило. Словно кто-то бился в Зеркало изнутри.

— Лика, — прошептала Агафья. — Она слышит нас. Она ревнует.

Они любили друг друга всю ночь.

Марк был нежен с Верой — так, как она и не мечтала. Он целовал каждый сантиметр ее тела, шептал слова, от которых у нее подкашивались колени, и входил в нее медленно, почти молитвенно. А потом поворачивался к Агафье — и становился другим: диким, голодным, почти звериным. Он кусал ее плечи, он царапал спину, он брал ее так, что кровать стонала.

А в какой-то момент Агафья отстранилась, взяла Веру за руку и положила ее ладонь на свою грудь.

— Почувствуй, — сказала она. — Как бьется сердце. Оно снова молодое. Это ты дала мне молодость. Своим присутствием. Своей ревностью. Своим страхом.

Вера почувствовала. И в этот миг между ними пробежала искра — не та, что между мужчиной и женщиной, а другая, более странная. Женская. Сестринская. Та, что говорит: «Я вижу тебя. Ты — не враг».

Они поцеловались. Впервые в жизни Вера поцеловала женщину. И это не было противно. Это было, как вернуться домой после долгой войны.

Марк смотрел на них и плакал. Плакал впервые за триста лет.

— Я вспомнил все, — сказал он. — Вас двоих. Эту постель. Этот запах. Вы обе — мои. И я — ваш. Но портал...

Внизу снова ударили.

— Портал требует жертву, — закончила Агафья. — Он не любит троих. Ему нужна пара. Один мужчина и одна женщина. Либо я уйду, либо Вера.

— Либо ты, Марк, — сказала Вера. — Ты сам говорил: если полюбишь по-настоящему, станешь смертным.

— Я уже полюбил, — ответил Марк. — Обоих. По-настоящему. И теперь я умру. Через пятьдесят лет. Но порталу этого мало. Он хочет, чтобы одна из вас вошла в него. Добровольно.

В комнате стало холодно. Свечи погасли. Зажглись снова — но свет их был теперь зеленоватым, болотным.

В дверях стояла Лика.

Она вышла из портала. На ней было белое платье, забрызганное чем-то темным. Она была красива той страшной, нечеловеческой красотой — с пустыми глазами и улыбкой, которая не сходила с лица.

— Я выбираю, — сказала она голосом, похожим на звон разбитого стекла. — Останется та, кто родит дитя. Портал хочет наследника. Марк, ты сделаешь ребенка Вере. Агафья останется старой. Или наоборот.

— Нет, — сказал Марк.

— Да, — сказала Лика. — Или я заберу всех троих туда, откуда пришла. А там нет ни времени, ни ласки, ни даже боли. Только пустота. Выбирайте.

Агафья шагнула вперед.

— Я старая, — сказала она. — Мне не рожать. Пусть Вера.

— Нет! — закричала Вера. — Я не буду та, кто отнимает у тебя молодость!

— А ты не отнимаешь, — усмехнулась Лика. — Ты даришь ей смерть. Медленную, но сладкую. Она снова состарится. Зато у вас с Марком будет ребенок. И портал закроется.

Вера посмотрела на Марка. Тот стоял, сжав кулаки, и шрам на его груди горел теперь не голубым, а красным.

— Не дай ей, — прошептал он. — Не дай порталу выбрать за нас.

Вера глубоко вздохнула. Подошла к Агафье. Взяла ее за руки.

— Мы выберем сами, — сказала она. — Без портала. Без Лики. Мы — три дурака, которые любят друг друга. И точка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.